

Дарья Тейтельбаум, психолог, процессуальный терапевт, специалист по работе с травмой.

Наблюдатель лаборатории по документальной хореографии

Передо мной разбросали-разложили пазл. Он необычного формата: часть деталей достаточно крупная и быстро собирается в кусочек общей картины, другая гораздо мельче и медленно стыкуется. Всё это перемешано. Возможно каких-то деталей не хватает. Образца, на которой бы я могла ориентироваться при сборке нет. Есть только название. Документальная хореография.

Мои записи на лаборатории состоят из объемных словосочетаний, чье авторство я не всегда могу определить, прерывающегося от усталости списка имен и названий, точно моих телесных ощущений, кратких зарисовок происходящего. Вопросов, большая часть которых не записана, но осталась в памяти.

Наверное, надо признать, что пишу я эту обратную связь, спустя несколько месяцев после лаборатории, гораздо позже, чем должна была. Когда я думаю, почему так, то помимо обычных своих сложностей с высказыванием, я обнаруживаю большое желание сначала-таки собрать этот пазл в своей версии, а потом уже о нем говорить. Но практика показывает, что так не работает. "Свидетель - это тот, кто плохо помнит" - из лекции Олега Аронсона.

Во время написания обратной связи и на самой лаборатории есть раздражение, тревога и спутанность от того, что он не собирается, что нет образца, единой системы, четкого вектора. Возникают вопросы: зачем мне этот образец? В чем сложность оставаться в неопределенности? Как это связано с историей личной и с историей системы на любом уровне? Как эта потребность в образце живет в теле? Как тело двигается, находясь в этом ожидании? Как это влияет на то, что остается в моей памяти, в документе?

Постепенно появляется удовольствие от того, что ничего непонятно. Что все вокруг по-своему собирают этот пазл, с большой вероятной из совсем других деталей, несмотря на то, что на уровне физической реальности мы находимся в одинаковых условиях. Просыпается тот самый ум новичка, который так настойчиво тренируют процессуальные психологи, как возможность не знать и не думать, раньше, чем что-то проявится. И даже когда что-то появилось, не пытаться это положить на определенную полку, упорядочить и назвать.

Ценно, что это напряжение неопределенности удалось выдержать на протяжении нескольких дней и замечать этот конфликт. Благодарна за это лаборатории, кураторам, которое это напряжение держали, лекторам, которые не давали застыть в определенности.

Этот конфликт я чувствую и в роли наблюдателя, которая была настолько открыта и неопределенна, что, с одной стороны, оставляла место для того, чтобы, например, заметить, как возрастает напряжение в лабораторной группе на определенных темах, как в момент обсуждения, что такое хора, в пространстве появляется бездомный человек и вступает в дискуссию, как от объема обсуждения травматического опыта я стискиваю челюсти, как сначала возмущают, а потом трогают работы Рашида Умардана. Остается время, чтобы заметить, как меняется линза, сквозь которую я слушаю лекторов, выбираю, что оставить себя. Заметить, как прочны профессиональные установки, почувствовать свой собственный голод, как психолога, да и человека, по междисциплинарному обсуждению.

В тоже время нет никаких опор, точных задач моего наблюдения, что провоцирует мое внимание на усталости уходить, что затрудняет процесс обмена видением с основными участниками и другими наблюдателями, в какие-то моменты размывает обсуждение, делает его то очень личным, то теоретическим.

На мой взгляд, чтобы выдерживать ситуацию неопределенности, важно замечать и фиксировать, как при движении прямо сейчас меняется граница ясного и непонятного,

чередовать или сочетать точно поставленные задачи с открытыми, иметь больше времени для обсуждения внутри каждой группы и между ними.